

Милютин Александр

www.milutyn.com

al-mile@yandex.ru

ПИСЬМА

Рассказ

В детстве мы называли их письмами. Маленькие невесомые шарики-пушинки, семена каких-то трав, а, может быть, деревьев. Влекомые потоками жаркого летнего воздуха, они носились повсюду, взмывая к небу, спускаясь к самой земле. Они степенно вторгались через окна в наши дома и бесновались среди завихрений, порождаемых проносющимися машинами. Случалось, что письма застревали в сотканной пауком сети, на поверхности луж, или в траве, но почти всегда находился порыв ветра, вызволяющий их из плена и снова отправляющий в полет.

Письмецо летело к нам в руки, и мы ловили его, аккуратно, чтобы не повредить, зажимая между двух сложенных лодочкой ладошек. Мы нашептывали ему что-то и приговаривали, кому именно отправляем весточку. А потом отпускали. И письмецо летело дальше, продолжая свой немыслимый путь, может быть, к следующим детским ладошкам, а, может быть, в никуда...

С тех пор немало воды утекло. Я вырос, мир стал другим, но письма не перестали летать в жгучем зное уже совсем другого лета, напоминая о легкости и свободе, которых больше нет в моей жизни. Свободы нет, уж точно. Я пленник безжалостной системы, охраняемой теми, кто уже не является людьми. Я заточен в клетку и не знаю, выйду ли когда-нибудь отсюда.

Мне очень грустно и одиноко. Мне не хватает тех, с кем когда-то было хорошо. Но с ними не связаться. Нет способа напомнить о человеке, который предан забвению. Разве что...

Внутренний дворик. Жара. Летающие пушинки. Письма.

Потихоньку, с оглядкой, я набираю их полный мешочек, а потом ускользаю от своих надзирателей. С этим, мало кому понятным богатством, я забираюсь тайком на крышу самого высокого здания внутри периметра. Небо улыбается мне россыпью облаков, и я улыбаюсь ему в ответ. Вокруг – недостижимый для меня простор.

Я устраиваюсь поудобнее, развязываю шнурок. Они смотрят на меня. Они ждут. Я предвкушаю, как по одной достану из мешка пушинку-письмецо, нашепчу ей свой нехитрый малюсенький привет, и отправлю адресату сквозь пространство и время. Это несложно, ведь я, в отличие от остальных, знаю, что мир не ограничен жесткими границами измерений.

Отправить первое письмо тяжелее всего. Оно – родителям. Мы не виделись давно, и я не знаю, что с ними. Слова для этой весточки, пусть и самые простые, подбираются с большим трудом – я был плохим сыном, и наши отношения не складывались – но я вверяю пушистому гонцу всю теплоту и желание прощения, что могу в себе найти. Отпуская письмецо, я прошу судьбу о том, чтобы конечной точкой его путешествия не стал могильный холмик за невзрачной оградой. Впрочем, над некоторыми вещами я не властен.

Дальше – проще!

У моих писем нет никаких подписей. Вы, наверное, понимаете зачем. Я хочу, чтобы те, о ком я помню, и кому посылаю с невесомыми пушистиком свои приветы, догадались, кто их отправил. И, если такое случится, далекие губы нашепчут притаившимся в ладонях пушисткам свои ответные весточки. И будут пущены они снова по ветру, и полетят по невообразимым, невычислимым траекториям в обратный путь. А я буду ждать их возвращения.

У меня нет похожих друг на друга писем. Они все разные. Вот эту, чуть примятую пушинку, я посылаю мальчишке, с которым мы, сидя на пригнутой к земле маслине, рассуждали о будущем. Он в своих размышлениях оказался прав. Вот эта, с золотистым краешком, отправляется на поиски соседкой девчонки, которую в октябре, ничего не

понимающую, я катал на багажнике своего велосипеда по аллее с цветущими каштанами. Огромное пушистое письмоцо улетает к учительнице, которая, одна из немногих, была добра к необычному ученику, рассказывающему иногда странные вещи. Продолговатая и взъерошенная – единственному другу, который однажды просто побоялся сделать следующий шаг. А вот эту с почерневшими лучами – так и быть – недругу, который этот шаг сделал, и мы оба за сие заплатились. Где, в каком из миров, отыщет его письмо? Вот эту рыжую и пушистую я прошу постараться отыскать ту девушку-выпускницу, которая научилась издалека узнавать меня по походке. Пусть письмо отыщет ее в том светлом, замечательном времени, ибо теперь, узнав меня, она стала несчастна, и я ничего не могу с этим сделать. В прошлое я посылаю еще одно письмо очень похожее на ежика – над этим человеком без имени навсегда сомкнулся капкан дорог. А вот эту, в виде сердечка, я посылаю Ей. Очень хочется, чтобы это письмишко сумело преодолеть все расстояния и опуститься в ее ладони. Хочется, чтобы она догадалась, от кого ей весточка. И еще хочется, чтобы у нее было желание сказать «Привет!».

Мой мешок опустел. Письма разлетелись по свету. Теперь мой удел ждать.

Когда-нибудь в свете восходящего солнца, заглядывающего сквозь зарешеченное окно, появится летящая точка и, несмотря на то, что я буду рад каждому ответившему, мое сердце замрет в надежде, что летящая ко мне пушинка, приблизившись, превратится в ту самую, похожую на сердце.

Детские ладошки держат мохнатую пушинку.

– Мама, мама, смотли, мне письмо плилетело.

– Ух-ты какая! Сердечком. А ты ее тоже кому-нибудь отправишь?

– Да. Я ее папе пошлю.

Вздых. Пауза.

– Ну, золотко, папа очень далеко. До него она не доберется.

– Нет, добелется! Я знаю! Ты только еще повтоли, как называется место, где сейчас папа?

Глаза. Печальные. Обреченные. «Зачем сказала!?»

– Оно называется пси-хи-а-три-чес-ка-я больница, дочка.

23.07.2004,

09.09.2005